

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА,
СОЗНАНИЯ И КОММУНИКАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

<i>Кирилина А. В., Гаранович М. В.</i> Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия	7
---	---

Раздел 1. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

<i>Гриценко Е. С.</i> О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка)	59
<i>Долешаль У.</i> О взаимосвязи грамматической категории рода и пола	77
<i>Ерофеева Т. И., Гаранович М. В.</i> Фактор «гендер» в исследованиях Пермской школы социо- и психолингвистики	100
<i>Федорова Л. Л.</i> О сущности женского начала (по данным словарей)	127

Раздел 2. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

<i>Стернин И. А., Рудакова А. В.</i> Экспериментальное исследование гендерной семантики слова	151
<i>Гаранович М. В., Норцова А. А.</i> Стереотипные представления о брачно-семейных отношениях в языковом сознании русских и британцев	172

Раздел 3. ГЕНДЕРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ЧЕЛОВЕКА

<i>Вепрева И. Т., Сюй Шаньшань.</i> Гендерные стереотипы в текстах СМИ: корпусное исследование	243
<i>Черноусова А. С.</i> Проявление фактора «гендер» при запоминании слова	257

Раздел 4. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И КОНЦЕПТОЛОГИИ

- Данилевская Н. В.* Автомобильные ценности в русской и китайской картинах мира в гендерном и культурном аспектах 293
- Пермякова Е. Г.* Языковой образ-концепт «воровка» в рамках изучения гендерных особенностей восприятия бенефактивно-привативной ситуации ее участниками 314

Раздел 5. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

- Обухова И. А.* Использование эмотиконов и эмодзи в текстах интернет-коммуникации: гендерный аспект 335
- Анков А. А.* «Мужское» и «немужское» начало во французской инвективе. 362

Раздел 6. ГЕНДЕР И ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

- Черных О. Ю.* Особенности создания гендерной идентичности в педагогическом дискурсе 381
- Сведения об авторах 397

Алла Викторовна Кирилина,
Марина Владимировна Гаранович

ГЕНДЕР И ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Гендерная лингвистика в начале третьего тысячелетия характеризуется рядом черт, для объяснения которых мы выделим две группы факторов:

1. *Внешние факторы* — это изменения прагматического контекста гендерных исследований в мире и связанное с ним изменение социальной и научной концептуализации гендера, то есть новое понимание объекта исследования, возникшее под влиянием происходящих в мире перемен.

2. *Внутренние факторы* — это специфика развития гендерной лингвистики в России.

Обе группы не имеют непреодолимой границы и тесно друг с другом связаны.

Гендерная лингвистика как часть междисциплинарных гендерных исследований существует уже около пятидесяти лет и за это время прошла «путь от признания гендера как аналитической категории, обозначающей половую роль, сформированную в процессе социализации, до интерпретации гендера как изменчивого социального конструкта, производимого в социальных структурах и воспроизводимого в рутинных взаимодействиях» [Здравомылова, Тёмкина 2015: 23].

Понятие «гендер» в значении «социокультурный пол» применяется с конца 50-х — начала 60-х гг. XX в. Первоначально оно отражало социально-философский пафос обоснования и утверждения идеи о природной и социокультурной составляющей в современной модели человека, предполагая и некоторый параллелизм этих составляющих.

Начальный период развития и гендерной лингвистики, и гендерных исследований в целом ознаменован созданием дуальных описательных и объяснительных моделей гендера. И Новое женское движение, возникшее на волне студенческой революции 1968 г., и социальная философия постмодернизма, и формирующаяся тогда феминистская лингвистика на этом этапе были сосредоточены на доказательствах социальных причин неравенства между полами и акцентировали в первую очередь дискриминацию женщин, в том числе — в языке и коммуникации [Бовуар 1997; Janssen-Jurreit 1975; Borneman 1991 (впервые в 1971); Coats 1986; Lakoff 1973; Samel 1995]. В этот период наряду с алармистскими трудами [Trömel-Plötz 1978; 1982a; 1982b; Pusch 1981; 1990] были сформулированы важные междисциплинарные положения гендерной теории [Lakoff 1973; Goffman 1976; Scott 1986; Samel 1995 и др.]. В самых общих чертах они сводились к следующему: гендерные отношения — важный аспект социальной организации; гендер не столько индивидуальная, сколько социальная категория.

Основные теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех взаимосвязанных компонентах:

- 1) культурные символы;
- 2) нормативные утверждения, задающие направления для возможных интерпретаций этих символов и выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах;
- 3) социальные институты и организации;
- 4) самоидентификация личности.

Термин *гендер*, таким образом, использовался для описания социальных, культурных, психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским», то есть «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин» [Пушкарева 1999: 16]. В этот период речь шла преимущественно о женских

исследованиях (women's studies); важную роль сыграло феминистское движение.

Однако параллельно происходили и эпистемологические изменения в гуманитарном знании, связанные с развитием постструктуралистских / постмодернистских теорий, в связи с чем менялись и познавательные установки. Все это стало эпистемическим фоном для концепции гендеризма И. Гоффмана [Goffman 1994; 1977]. Названный автор показал, что биологический пол является лишь отправным моментом для социально значимого разделения общества на два класса и для создания разных норм для членов того или иного класса. Для описания социальных аспектов пола И. Гоффман вводит термины *гендеризм* и *гендерный дисплей* (проявление), к которому он относит все культурные составляющие пола — гендерные стереотипы, полоролевые нормы и полоролевую идентичность. Основными движущими силами гендеризма он назвал *институционализацию* и *ритуализацию пола*. Социализация — вхождение личности в общество, ее адаптация в нем — происходит через социальные институты семьи, школы, религии, политики, средств массовой информации и рынка труда. Гендер развивает благодаря этому точные признаки мужского и женского, которые обосновывают различное отношение общества к мужчинам и женщинам, что и создает *гендеризм* — идеологизированную и пронизывающую всю жизнь систему социальной значимости пола.

Гендер, по И. Гоффману, является также составляющей многих ритуалов. Вся ритуальная жизнь общества пронизана дихотомией «мужское — женское». Имена, формы обращения, голоса, прически, одежда, самопрезентация ритуализуют гендерную идентичность. Совершение ритуальных действий регламентируется обществом; ритуальные нормы, известные всем участникам коммуникации, формируют круг ожиданий людей и их готовность вести себя в соответствии с этими ожиданиями, которые символизируют и реконструируют общественный порядок. Концепция И. Гоффмана заложила основы немарксистского научного подхода к проблеме гендера.

В дальнейшем, в 80-е гг. XX в., утверждалось понимание гендера не только как так называемого *женского вопроса*, но и как проблемы всестороннего исследования женственности и мужественности

и связанных с ними социальных и культурных ожиданий. Кроме того, в 80-е гг. оживились и обновились конструктивистские идеи (см, например, [Einführung in den Konstruktivismus 1992]), оказавшие решающее влияние на развитие всех гуманитарных дисциплин и имеющие сегодня статус пан-методологии гуманитарного знания.

Таким образом, в историческом ракурсе к началу 90-х гг. XX в. различают три этапа формирования гендерных исследований (подробнее см. [Кандиоти 1992]):

1. «Алармистский» этап. Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность традиционной патриархатной эпистемологии. Такая постановка вопроса получила свое развитие в первую очередь в постмодернистских трудах.

2. Этап «феминистской концептуализации». Его главной целью была разработка отчетливых ориентиров в феминистской теории и практике. В этот период создаются несколько направлений феминистски ориентированной науки (феминистский психоанализ, феминистская лингвистика), не скрывающих своей идеологической ангажированности. Активно осваивается постмодернистская теория для обоснования феминистского мировоззрения и исследований.

3. «Постфеминистский» этап характеризуется появлением «мужских исследований» и осмыслением проблем анализа того, как гендер присутствует, конституируется и воспроизводится в социальных процессах. В область гендерного анализа включаются оба пола, их отношения и взаимосвязи с социальными системами разного уровня (см. [Кирилина 2000: 39 и след.]). Проверены гипотезы и выявлены заблуждения феминистской критики языка [Kotthoff 1996; Kirilina 1999].

На рубеже третьего тысячелетия произошло резкое ускорение глобализационных процессов, усилилась идеология формирования глобальной идентичности, а также ярче проявилось влияние идей постмодернизма и радикального конструктивизма — последний оказался очень плодотворным для гендерной теории и завершил теоретическую легитимацию понятия гендера, которое вне конструктивизма не имело бы смысла.

В 90-е гг. возникло направление, исследующее только мужественность, было сформулировано положение о том, что маскулинность множественна, имеет разные проявления в любом обществе; главное из этих проявлений получило название *доминирующей / гегемонической / главенствующей мужественности* (hegemonic masculinity) [Theory & Society 1993]. Девяностые годы называют периодом постфеминизма, так как в это время значительно нивелировался феминистский алармизм в западном обществе¹ (заметим, однако, что под влиянием все более явственно проявляющегося фактора глобализации начался более интенсивный феминистский дискурс на постсоветском пространстве, захвативший и бывшие социалистические страны, называемые ныне странами Восточной Европы).

Сегодня, на рубеже XX–XXI вв., следует констатировать ревизию научных представлений о гендере.

В период миллениума гендерная лингвистика преподнесла научному сообществу немало сюрпризов вследствие мощной трансформации модели человека, которая происходит сегодня прежде всего по линии гендера и детства. Одна из существенных черт смены технологий и глобализации — не только изменение модели человека, но и повышенная, по сравнению с предыдущими периодами, наблюдаемость этого процесса.

Человек мыслится и становится все более динамичным и независимым от самой «изначальной природы» гомо сапиенс. Это связано как со спецификой эпохи, так и с политическими факторами.

¹ Характеризуя прагматический контекст гендерных исследований в Европе и Америке, необходимо отметить западоцентричность выводов, принятых в описываемом научном пространстве и часто некритично переносимых на почву других языков, стран и культур. Эту особенность гуманитарного научного дискурса необходимо постоянно иметь в виду при обсуждении развития гендерной лингвистики, что, разумеется, совсем не означает отторжения любой зарубежной концепции. Мы лишь должны помнить слова Серию: «...в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции» [цит. по Кубрякова 1995: 168].

Новые научные открытия и новые технологии меняют и биологическое, и социальное в человеке.

Политический, социальный заказ акцентирует общественное внимание на тех или иных сторонах жизни и поведения человека, усиливая или подавляя их, в том числе через создание и внедрение новых метафор, новых категоризаций, новых видеорядов, новых дискурсов и т. д. Вызванные этим трансформации наиболее заметны по линии гендера и детства.

Главные инновации (и это типично для современности) бытуют в форме потоков, то есть существуют и распространяются в виде процессов, происходящих внутри каких-либо сред и областей, переходят их границы, но все же не охватывают их целиком. К ним мы относим следующее:

1) глобалистское признание человека изменчивым, «множественным», выходящим за пределы дихотомии пола (мужское / женское), акцентуация множественности гендера;

2) одновременное сосуществование и столкновение глобалистских и традиционных концепций гендера / пола;

3) глобалистское рассмотрение категорий «пол» и «гендер» как полностью автономных друг от друга, в том числе релятивизация и даже негативизация понятия биологического пола в свете усиления радикального конструктивизма;

4) усиленное разрушение (деконструкция) прежней ритуализации пола и изменение его институционального статуса через:

— внедрение «обязательной» характеристики сексуальности индивида и связанной с ней идеи множественности гендера;

— усиленную гендеризацию детства;

— дискурсивное включение детства в поле сексуальности;

— глубокую ревизию идеи мужественности, направленную на элиминирование «мужественности господствующей» (hegemonic masculinity), объявление ее агрессивной и «токсичной»;

5) усиление религиозной и иных патриархатно-фундаменталистских интерпретаций пола;

6) ярко выраженная и усиливающаяся политизация гендерной проблематики.

В это же время социальная философия снова регистрирует смену эпистемы и развитие постнеклассических познавательных

установок [Степин 2009], в большей степени учитывающих ускорившуюся динамику развития социальных процессов. Ускорились и изменения в концептуализации гендера. На рубеже веков активизируются ЛГБТ-движения и связанная с ними квир-теория, в планетарном масштабе распространяется глобалистский (американизированный) взгляд на гендер, растет теоретический радикализм, критикуются эссенциалистские (сущностные) модели гендера, радикализуется конструктивизм (см, например, труды Дж. Батлер, которая даже биологический пол относит к перформативным сущностям [Butler 1988; 1990; 1993; 1995]). Гендерные отношения политизируются; формы сексуального поведения, которые ранее считались патологией и девиацией, легитимируются, декриминализируются и получают статус варианта нормы, включаются в общественный дискурс как составляющая *социально поощряемого разнообразия (diversity)*.

Тем самым продвигается *идея исключительно социальной основы пола*².

² Разумеется, подобный радикализм подвергается критике (см., например, [Камерон 2005: 626]): «...возросшее культурное значение таких феноменов, как транссексуализм, трансвестизм, и то, что теоретики гомосексуализма называют “gender fuck” (якобы разрушительная игра с гендерными различиями), может рассматриваться как новая теоретическая задача для феминистской мысли, поскольку эти феномены могут указывать на изменения, происходящие в формах (особенно городских и западных) гендерных отношений. Что же будет подразумеваться, если на вопрос Симоны де Бовуар “А есть ли женщины?” прозвучит ответ: “Да, но некоторые из них — (биологические) мужчины”?» Однако работа Д. Камерон впервые опубликована в 1997 г. В настоящее время же, как отмечалось выше, биологический пол радикально релятивизируется, и мужские/женские биологические проявления объявляются свойствами также и противоположного пола (явление же трансгендерности создает основу для подобных утверждений). Трансгендерность же весьма поощряема социально: в докладе Е. С. Гриценко на Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация» (г. Москва, 28–29.11.2019) подробно излагается, как в США насаждаются новые гендерные нормы даже для детей, поощряется ранняя трансгендерность и наказываются взрослые родственники за создание ребенку препятствий в смене пола (см. в [Гриценко 2019] и главу названного автора в этой книге).

С конца XX в. усиливается интерес к трансгендерным явлениям и легитимизации ЛГБТ; появляется так называемая *квир-теория*, изучающая ненормативную сексуальность в условиях ее подавления и выступающая за ее окончательную легитимацию, которая, по сути, уже произошла. Некоторые исследователи рассматривают либерализацию гендерных норм как третий этап западной демократизации (после признания равноправия чернокожих граждан (первый этап) и женщин (второй этап)).

Отдельно отметим репрезентацию детства в аспекте гендера: сегодня происходит дискурсивная сексуализация ребенка; усиливается гендерная ориентированность товаров для детей (подробнее см. [Кирилина 2013; 2015а; 2015б; Купцова 2016; 2018; 2019; Kirilina, Kurtsova 2019]); институционализируется информирование детей и подростков о возможностях различных сексуальных ориентаций. В ряде стран легитимируется усыновление детей однополыми парами; в детской и юношеской литературе акцентируются нетипичные формы семьи [Чех 2019]; популяризируется и даже насаждается трансгендерность не только среди взрослых, но и среди детей³ (см. также [Гриценко 2019]).

Названные явления политизируются и распространяются в глобальном масштабе. Отметим и — пусть весьма слабую еще — тенденцию к оправданию педофилии под видом борьбы с ней⁴, а также

³ В США открываются специальные магазины для детей-трансгендеров [В США открылся магазин для юных трансгендеров: электр. ресурс]; объявлено о выпуске кукол, пол которых ребенок может конструировать и менять самостоятельно: производитель Барби *Mattel* выпустил новую линейку гендерно нейтральных кукол *Creatable World* («Создаемый мир»). Игрушки призваны бороться со стереотипами. В комплект вошли шесть кукол разных рас, фигуры и роста. К ним можно подобрать различную одежду, парики и обувь. Это позволит изменить пол и образ кукол. «Особенность новой модели в том, что ее образ не продиктован гендерными нормами», — уточнила компания [Olohan 2019: электр. ресурс].

⁴ Яркий пример — публичная (освещаемая в блоге) имитация подготовки вступления в брак со взрослым мужчиной двенадцатилетней норвежки по имени Теа [Bloggen er fjernt: электр. ресурс]. Хотя заявленная цель акции — предотвращение ранних браков, в свете видеохроники подготовки ребенка к браку она представляется весьма сомнительной.

изменение медицинских норм, приближающих легитимацию педофилии [Тачмамедова 2019: электр. ресурс]. Все это значительно трансформировало научные представления о гендере, и без того тяготевшие к идеям деконструкции⁵.

В начале XXI в. в западной науке окончательно отбрасывается как мейнстрим *дуальная, бинарная модель гендера* и признается легитимным все большее число видов гендера. В настоящее время их насчитывают около 60, но определить точное / окончательное число не представляется возможным ввиду непрерывного роста числа гендерных конструкторов.

Множественность гендера дополняется признанием его динамичности и текучести: допускается, что в течение жизни человек может неоднократно сменить гендер или вообще считать себя свободным от него (как *азеркины*⁶), что ознаменует переход к постгендеризму — прекращению социального конструирования гендера как связанного с полом маркера и трансформации его в маркер индивидуальной стилизации лица, с полом не связанный⁷.

⁵ «...В западной научной традиции доминирующим методом стала дерридеанская деконструкция гендера, понимаемая как анализ традиционных бинарных оппозиций, в которых левосторонний термин претендует на привилегированное положение, отрицая притязание на такое же положение со стороны правостороннего термина, от которого он зависит. Цель анализа [Easthope 1988: 187–188] здесь “состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а скорее в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения”» [цит. по Кирилина 2000: 31].

⁶ *Азеркины* (от англ. *other* — другой, иной) — индивиды, считающие себя не людьми, а животными, сказочными созданиями, инопланетянами и т. д. Подобные существа не имеют пола. Причисление же их к гендеру окончательно выводит последний за рамки полового диморфизма и делает гендер маркером идентичности.

⁷ *Постгендеризм* интерпретируется как «общественное, политическое и культурное движение, приверженцы которого выступают за добровольное устранение гендера у человеческого вида посредством применения передовых биотехнологий и вспомогательных репродуктивных технологий» [Википедия], которые позволят устранить различия в репродуктивных функциях у мужчин и женщин, позволив и тем и другим практиковать отцовство и материнство, а также вынести вынашивание и деторождение

Таким образом, глобалистский этап развития гендерных исследований ознаменован полным переосмыслением понятия *гендер*. Из дихотомического / дуального / бинарного социокультурного концепта, отражавшего наличие в мире двух видов людей, он превратился в чрезвычайно политизированный маркер сексуальной ориентации (*агендер*, *бигендер*, *трансгендер* и т. д.), а также в маркер самоидентификации как таковой.

Названные тенденции, однако, не утвердились полностью в планетарном масштабе и сосуществуют — часто в противоборстве — с более традиционными взглядами. Современное социальное созидание (конструирование) гендера характеризуется, таким образом, множественностью тенденций и совершается при помощи вербального и невербального кодов.

Область гендерных исследований представляет собой поле бурных дискуссий, а также отражает целый ряд моментов, описываемых термином *постгендеризм* и связанных с формированием новой — плюралистической и изменчивой, динамичной — модели человека с тенденцией к трансгуманизму⁸. Для глобального дрейфа к постгендеризму характерен демонтаж прежних норм институционализации

за пределы человеческого организма, что приведет к исчезновению пола и гендера в обществе. Существование пола и гендера и связанных с ними различий в социальных когнитивных и физических различиях сторонники постгендеризма считают негативным явлением.

⁸ «Трансгуманизм (от лат. *trans* — сквозь, через, за и *homo* — человек) — философская концепция, а также международное движение, поддерживающее использование достижений науки и технологий для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые трансгуманисты считают нежелательными — страданий, болезней, старения и смерти» [Википедия]. В РФ также действует общественная организация *Российское трансгуманистическое движение* (РТД), определяющее трансгуманизм как рациональное, основанное на осмыслении достижений и перспектив науки, мировоззрение, которое признает возможность и желательность фундаментальных изменений в положении человека с помощью передовых технологий с целью ликвидировать страдания, старение и смерть и значительно усилить физические, умственные и психологические возможности человека. Трансгуманизм также способствует ревизии гендерных идеологий и утверждению динамической модели человека.